

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной корабль негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с большими седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любвник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
по желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красотка записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне среди шума городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

28 декабря 1961*

Какую «ночную столицу» описывает Бродский в «Рождественском романсе»? На первый взгляд, этот вопрос выглядит почти абсурдным. Стихотворение густо насыщено характерно московскими топонимами и реалиями. В первой строфе появляется Александровский сад; во второй — упоминается Ордынка; а в четвертой — говорится о «мгле замоскворецкой». Думается, не будет натяжкой предположить, что строка «и пахнет сладкою халвою» опирается на вполне конкретное «обонятельное» впечатление: неподалеку от Замоскворечья располагается кондитерская фабрика «Красный Октябрь». Все это позволяет даже заглавие разбираться стихотворения понять как отчасти каламбурное, провоцирующее читателя вспомнить не только о празднике *Рождества*, но и о названии одного из московских бульваров (находящегося в относительной близости к Замоскворечью).

Однако сквозь облик нынешней столицы в «Рождественском романсе» отчетливо проступают черты бывшей. Само его посвящение ленинградцу с именем *Евгений* (и «речной» фамилией *Рейн*) в купе с многочисленными «речными» образами стихотворения, возможно, призывает читателя к классической петербургской поэме «Медный всадник». И уже совершенно очевидным кажется то обстоятельство, что ночная Москва, какой она предстает в стихотворении Бродского:

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц...

* В разных изданиях Бродского это стихотворение датируется как 1961, так и 1962 годом. Консультация с Виктором Куллэ убедила нас в правильности первой датировки.

Олег Лекманов

«Рождественский романс» Иосифа Бродского

как путешествие из Москвы в Петербург и обратно

чрезвычайно напоминает Петербург, каким его описывали создатели петербургского мифа — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Андрей Белый... Почти прямой цитатой из Достоевского выглядит строка о «желтой лестнице печальной» из четвертой строфы «Рождественского романса».

Но и этого мало. Обратившись к начальным строкам нашего стихотворения, вспомним, что вплоть до 1918 г. Александровским назывался Адмиралтейский сад в центре Петербурга. Так что «корабль негасимый», плывущий в стихотворении Бродского над кремлевской стеной, — это позолоченный флюгер-«корабль» на здании Главного Адмиралтейства (один из наиболее распространенных символов Петербурга/Ленинграда — эмблема «Ленфильма»).

Две столицы в «Рождественском романсе» объединяются мотивом «полночного поезда новобрачного». Как подсказала нам Наталья Иванова, речь у Бродского идет о знаменитой «Красной стреле», которая ровно в полночь отправлялась в путь с Ленинградского вокзала в Москву и с Московского — в Ленинград.

Двоящийся образ «ночной столицы» идеально воплощает в себе главную тему «Рождественского романса»: тему иллюзорности, прозрачности окружающей действительности. Двоятся, ускользают от однозначного истолкования и остальные мотивы стихотворения. Прежде всего это относится к ключевым для «Рождественского романса» мотивам *реки* и *луны*.

Хотя слова «река» и «луна» в стихотворении ни разу не употребляются, вся его образность *вырастает* именно из этих двух слов.

Традиционное изображение российской столицы как города на Неве Бродский дополняет изображением советской столицы как города на Москворецкой реке. Кажется весьма вероятным, что поэт остановил свой выбор на Замоскворечье еще и потому, что этот

район группируется вокруг реки и ей обязан своим именем. В частности, чтобы кратчайшим путем попасть из Александровского сада (описанного в первой строфе) на Ордынку (куда уезжает такси во второй), необходимо пересечь Москву-реку через Большой Москворецкий мост. (В скобках отметим, что московский Александровский сад был разбит на месте заключенной в трубу реки Неглинки).

Избегая прямых упоминаний о Неве и Москве-реке, поэт зато повсюду пользуется «речными» и «корабельными» образами. С «кораблика», который «плывет в тоске необъяснимой», стихотворение начинается. Мечтой о том, что жизнь, подобно кораблю, «качнется вправо, / качнувшись влево», стихотворение завершается. В промежутке между этими двумя кораблями все в стихотворении тоже «плывет» (глагол, повторяющийся в шести строфах восемь раз) или, как в пятой строфе, «лется» (и сочится? См. в этой же строфе: «Ночной пирог несет сочельник...»). «Пловцом печальным», «пловцом в несчастье» в финале «Рождественского романса» предстает сам «Новый год», плывущий «по темно-синей / волне».

Луна так же, как река, вводится в предметный мир «Рождественского романса» посредством намеков и недомолвок. Первая строфа стихотворения начинается с загадки, которую, впрочем, довольно просто отгадать. «Ночной корабль негасимый / из Александровского сада», плывущий «среди кирпичного надсада», — в сознании москвича ассоциируется, конечно же, не с вечным огнем (который был зажжен лишь в 1967 г.) и не со зданием Манежа, своими очертаниями отдаленно напоминающим гигантский желтый корабль (но не «кораблик»), а с луной, тем более что этот «кораблик» — он же и «фонарик... на розу желтую похожий». В строках «ночной пирог несет сочельник / над головою» (5-я строфа) легко опознать еще одно замаскирован-

ное изображение луны, особенно если вспомнить о «кулинарном» заглавии стихотворения Бродского «*Ломтик медового месяца*» (1964). Приведем также строки из рождественского стихотворения Анны Ахматовой «Бежецк» (1921): «И серп поднебесный желтеет, чем липовый мед». А словосочетание «дворник круглолицый» (3-я строфа «Рождественского романса») позволяет внимательно читателю вспомнить о знаменитом пушкинском уподоблении круглого лица «глупой луне» на «глупом небосклоне».

Отметим, что тема *медового месяца*, восходящая к присутствующему за кадром стихотворения образу *луны*, активно развивается в «Рождественском романсе». Так, эпитет «пчелиный» употреблен во второй строфе стихотворения Бродского отчасти как сходный по звучанию с эпитетом «печальный», отчасти — как продолжающий тему медового месяца. В предыдущей строфе *медовую* тему намечал образ «желтой розы»; в следующей появится «поезд новобрачный»; а в предпоследней — встречаем метафору «мед огней вечерних». Картиной *воображаемого* свадебного пира («лется мед», «пахнет сладкою халвою») завершается пятая строфа стихотворения, причем «сочельник», подобно официанту, «несет над головою» «ночной пирог» луны (ассоциацию подкрепляют предшествующие строки пятой строфы, где возникает образ белых перчаток официанта: «морозный ветер, бледный ветер / обтянет красные ладони»).

Попытавшись ответить на закономерный вопрос, почему «главной героиней» рождественского стихотворения Бродского оказывается не звезда, а луна, решимся на рискованное предположение: поскольку луна в «Рождественском романсе» плывет «среди кирпичного надсада» кремлевской стены — в роли ее соседки выступает как раз звезда, но звезда не та, не рождественская. Но ведь и

«темно-синяя волна», столь выразительно и зримо изображенная в шестой строфе стихотворения, — это волна сугубо метафорическая. Реальная Москва-река в конце декабря 1961 г. была скована льдом: в ночь с 27 на 28-е температура воздуха в Москве, согласно газетной информации, упала до 21-23 градусов ниже нуля.

Тему взаимоналожения нынешнего и минувшего привносит в стихотворение и строка «такси с большими седоками», где вполне современное название средства передвижения соседствует со вполне архаичным именованном пассажира. «Такси с большими седоками» в стихотворении Бродского, подобно машине времени, перемещается из сегодняшнего дня во вчерашний. С точки зрения человека из прошлого («седока»), новые, построенные в советскую эпоху дома — это «мертвецы», которые «стоят в обнимку» с привычными глазу старого москвича ордынскими «особняками».

Горький итог стихотворения подводится трижды повторяющимся в финальной строфе «как будто»:

Твой Новый год по темно-синей
волне среди шума городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

Надежды на это «как будто» столь же иллюзорны, как иллюзорны в «Рождественском романсе» *Москва* и *Петербург, река* и *луна*, как иллюзорным для значительной части населения Советского Союза был сам праздник Рождества, который подменялся встречей очередного Нового года.

А о Рождестве жителям СССР напоминали, как правило, лишь для того, чтобы обличить мишурные блага и лицемерие западной цивилизации. Только несколько примеров из множества напрашивающихся: в «Московской правде» (1961, 27 дек.) был опубликован фельетон А.Александрова «Марципановое счастье и новогодняя действительность»; в «Труде» (1961, 26 дек.) — анонимная разоблачительная заметка «Рождественский «фейерверк» ультра».

Москва